

Саргин Давид Иванович

**Древность игр в шашки и
шахматы. Правила древней
персидской игры нэрд с
костями. Устав игры в
русские шашки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.8
ББК 77.056я92
Д13

Д13 **Давид Иванович С.**
Древность игр в шашки и шахматы. Правила древней персидской игры нэрд с костями. Устав игры в русские шашки / Саргин Давид Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 420 с.

ISBN 978-5-519-84922-7

ISBN 978-5-519-84922-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

То обстоятельство, что книга была отпечатана (за исключением приложений, указателя и страниц, помеченных римскими цифрами) раньше войны, не позволило мне внести исправлений относительно Петрограда. Вездѣ въ книгѣ поэтому осталось прежнее, лишь къ удовольствію Россіи, уничтоженное именованіе сѣверной столицы. Впрочемъ, позволительно думать, что старое названіе сохранило свое историческое значеніе и въ этомъ смыслѣ можетъ быть употребляемо, какъ характеристика минувшей эпохи *).

Не мнѣ, конечно, судить о достоинствахъ моего труда, но что касается до той программы, которая мною была избрана,—

опыты составленія полныхъ партій къ очень сложнымъ по разстановкѣ шахматнымъ задачамъ (см. Указатель). Но отдавая урывками досуги игрѣ, В. Е. всю свою жизнь посвятилъ ученой и педагогической дѣятельности, пользуясь здѣсь большимъ уваженіемъ. Идея М. И. Чигорина (коей заразился и Э. С. Шифферсъ), что человѣкъ имѣетъ право бросить все и посвятить свою жизнь шахматамъ, глубоко его возмущала, и онъ не скрывалъ этого. Въ одномъ изъ писемъ своихъ въ еженед. журналъ „Радуга“, гдѣ шахм. отдѣломъ заведывалъ П. П. Бобровъ (при постоянномъ моемъ сотрудничествѣ, такъ что я иногда замѣнялъ его, особенно лѣтомъ), онъ обозвалъ нѣмецкихъ проблемистовъ тупейдцами, для содержанія которыхъ надо готовить особыя суммы. Орывокъ изъ этого письма П. Бобровъ напечатать, и разумеется, это попало не въ бровь, а прямо въ глаза М. И. Чигорину, нѣсколько разъ до этого прекращавшему свой „Шахматный Листокъ“. Онъ не переварилъ этого и при случаѣ перепечатать слова о тупейдцахъ въ „Шахм. Вѣстникъ“,—прозрачно, намекая на П. Боброва, какъ на автора такого мнѣнія.—Н. И. Максимовъ измѣнилъ эти слова и написать прямо про П. Боброва, что онъ „геніальныхъ и трудящихся германскихъ проблемистовъ... называетъ „тупейдцами“... долгой терпѣливой работы не понимаетъ, предпочитая все дѣлать срывка, съ налета.“ По поводу этого я писалъ („Шахм. Обзор.“ 1893 г., стр. 95—96), что въ „Радугѣ“: „тупейдцами названы нѣмцы, *коряцїе* (при составленіи задачъ) не рѣдко цѣлые мѣсяцы надъ соображеніями, представляющимися при передвиженіи всѣхъ фигуръ вправо или влево, на одну или нѣсколько кѣттокъ. Говорить о людяхъ, *коряцїяхъ* надъ задачами, вымучивающихъ ихъ, не значитъ еще говорить о *геніальныхъ* нѣмецкихъ композиторахъ, разумеется, при томъ условіи, если Н. И. Максимовъ не считаетъ каждаго нѣмца, который примется составлять задачи за генія“.—Видя тогда уже у нѣмцевъ тотъ именно націонализмъ, который заглушаетъ у нихъ всякія чувства справедливости, я широко осветилъ случай съ международнымъ конкурсомъ шахматныхъ задачъ газеты „Münchener Neuesten Nachrichten“, гдѣ нѣмцы не постѣснились допустить на конкурсъ задачу (притомъ плохую, по отзыву самихъ же нѣмцевъ) съ грубо оскорбительнымъ для чеховъ девизомъ *Kein Böhme, aber auch garstig*: Не чехъ, но тоже мерзость. (См. „Шахм. Обзор.“ 1893 г., №№ 20, стр. 353—356).—Нынешній московскій „Шахматный Вѣстникъ“ 1914—1915 гг. во время даже войны соблюдаетъ, повидимому, благожелательный нѣмцамъ нейтралитетъ, печатаетъ нѣмецкія партіи и задачи и сворбитъ, что, не получая заграничныхъ журналовъ, не имѣетъ нужнаго матеріала.

*) См., напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“ 1915 г., № 67, стр. 3, столб. 1.

ислѣдованіе начальнаго древнѣйшаго періода игрѣ.—то я считаю, что всѣ вопросы рассмотрѣны мною пещернывающимъ образомъ, конечно, принимая во вниманіе имѣвшіеся у меня данныя; современемъ, быть можетъ отыщутся и нныя.

Работа моя, разумѣется, не могла быть исполнена единолично. Предметъ изслѣдованія, несмотря на свой небольшой размѣръ, требуетъ такихъ знаній, такихъ обширныхъ свѣдѣній и такой начитанности, которая едва ли подъ силу одному человѣку. Въ виду этого я все время старался выяснитъ всѣ встрѣчавшіеся мнѣ вопросы черезъ людей науки, и хотя, какъ оказалось, все почти мнѣ пришлось рѣшать самому единолично, тѣмъ не менѣе тѣ данныя, которыя мнѣ указывались, или обнаруживались во время переговоровъ, значительно уяснили дѣло ³⁶³). И я не могу съ признательностью не указать здѣсь именъ тѣхъ ученыхъ, которые любезно тратили для меня свое время и дѣлились со мною своими знаніями, особенно указывая мнѣ разные справочники, энциклопедіи, словари, или даже предоставляя мнѣ свои книги или цѣлыя библіотеки, какъ это было, напр., со стороны В. Е. Сердобинскаго и его наслѣдниковъ ³⁶⁴). Имена всѣхъ этихъ лицъ указаны, большею частію, въ текстѣ книги; тутъ читатели увидятъ извѣстнаго писателя и археолога Н. А. Чаева, который познакомилъ меня съ И. Д. Мансветовымъ и съ И. Е. Забѣлинымъ; тутъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ (см. пр. 231 и 325), профессора бар. Штакельбергъ, Г. А. Халатьяницъ, И. В. Цвѣтаевъ (примѣч. стр. 70*), лингвистъ Г. И. Торъ-Лапге ³⁶⁵) и нѣкоторые другіе. Изъ нихъ здрав-

³⁶³) Для меня важны были не только положительныя, но и отрицательныя свѣдѣнія; когда одинъ петроградскій академикъ любезно отвѣтилъ мнѣ на мое письмо о словѣ *шахика*, что онъ самъ ничего не знаетъ, то изъ этого я увидѣлъ, что и *никто еще ничего не знаетъ*; а это знать мнѣ было чрезвычайно важно. Онъ рекомендовалъ мнѣ обратиться къ Ѳ. Е. Коршу, но оказалось, что тотъ тоже ничего не знаетъ.—Точно также чрезвычайно важенъ былъ для меня разговоръ съ природнымъ арабомъ объ арабскомъ языкѣ.—См. еще въ указателѣ „Шахъ-Намъ“.

³⁶⁴) См. стр. 103 книги, конецъ примѣчанія 122-го.

³⁶⁵) Мой учитель латинскаго языка въ старшихъ классахъ института: датчанинъ по происхожденію (но значительно обрусѣвшій; онъ и женатъ былъ на русской и жилъ все время въ Россіи), онъ былъ истиннымъ ученымъ филологомъ (см. примѣч. 140, стр. 118). Къ сожалѣнію онъ полагалъ, что и всѣ другіе интересуются филологіей въ той же мѣрѣ, какъ онъ самъ. Когда въ 1905 году я поѣхалъ его, въ надеждѣ выяснитъ нѣкоторыя тонкости въ текстахъ (переводъ которыхъ былъ для меня, однако, ясенъ), то онъ, распросивъ меня, когда я кончилъ курсъ и почему интересуюсь латинскими текстами, рѣшилъ, что я долженъ хорошо знать латынь, и заговорилъ со мною по латыни! Хотя въ это время я значительно возобновилъ въ

ствующих любителей и ученых назову пр. М. О. Аттая, который познакомил меня с ак. О. Е. Коршем, В. И. Шонина, для издания которого в 1903 году³⁶⁶) я принялся за новую переработку своего прежнего труда³⁶⁷). П. Н. Бодянского, который, не подозревая, очевидно, действительных трудностей, прислал мне, свой перевод латинских текстов³⁶⁸), Л. В. Генику, переводившего для

памяти свои знания (тѣмъ болѣе, что приходилось разбирать книгу Гайда), тѣмъ не менѣе я, конечно, не все понималъ. Въ 1878—1879 гг., когда я копчаль курсы, Г. Н. (мы въ то время звали его не Георгій, а Торъ Ивановичъ) дѣйствительно упорно вводилъ во время уроковъ разговоръ на латинскомъ языкѣ, но это не вполне привилось. Вскорѣ послѣ 1905 г. онъ переселился въ свое имѣніе въ Кіевской губерніи, куда я обращался къ нему уже письменно, стараясь выяснитъ нѣкоторыя слова въ текстахъ съ *anticipes* и *teritur*; онъ любезно отвѣчалъ мнѣ по-русски, но помочь не могъ. Между прочимъ онъ писалъ: „...Другой, однако, вопросъ, какъ перевести *anticipes moras* [а я о переводѣ его не спрашивалъ]. О ходахъ въ шашечной игрѣ *anticipes* естественно будетъ имѣть значеніе *вызывающій колебаніе* (или вызванный колебаніемъ), наводящій на размышленіе, заставляющій долго медлить исполненіемъ. Такъ вѣроятно и здѣсь; нужно принять смыслъ: не скоро рѣшающійся на новый ходъ.—Однако по контексту: *Obligat ipse duos* не абсолютно невозможно, чтобы *anticipes* было поставлено въ значеніи: обоюдный и замедляющій: и его самого игрока и его сотоварища по игрѣ. Но первое значеніе болѣе правдоподобно.—Еще разъ могу Васъ увѣрить, что форма *anticipes*, если не принять ее—*anticipes*, никакъ образомъ не можетъ быть прилагательнымъ, а лишь вторымъ лицомъ составительнаго склоненія настоящаго времени отъ глагола *anticipo* (*antecipo*), *anticipare*, что здѣсь, конечно, не дастъ смысла!... Вотъ все, что могу сообщить по данному вопросу. Примите, высокопочтимый Д. Н., выраженіе полного сочувствія къ Вашимъ дѣльнымъ занятіямъ наукою и лучший поклонъ отъ уважающаго и преданнаго Вамъ Dr. phil. Торъ-Ланге“. Изъ этого отрывка видно, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ любилъ филологію, и отсюда же внимательные читатели могутъ усмотрѣть, какъ трудно было достигнуть истиннаго перевода въ текстахъ, которыхъ не понимали и до сихъ поръ не понимаютъ большіе филологи. Мой переводъ какъ разъ указываетъ, что тутъ идетъ рѣчь объ обязательномъ взятіи, такъ что ни колебаній, ни размышленій, ни замедленій здѣсь не было и не могло быть, а *duo* никакъ не можетъ быть относимо къ игрокамъ.

³⁶⁶) „Шашечный Листокъ“, 1903 г., №№ 1, 5—6, 7, 9, 10, 11 и 12. О происхожденіи шашечной игры А. С. Ринкъ (перестановка буквъ моей фамиліи). Здѣсь помѣщено то, что вошло въ главы I—VIII и частью въ IX настоящаго изданія. Сравненіе можетъ показать, какъ переработанъ мною весь трудъ: тридцать семь страницъ второй редакціи превратились въ восемьдесятъ семь при окончательной отдѣлкѣ.

³⁶⁷) См. дальше въ посвященіи книги.

³⁶⁸) Въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ они встрѣчаются (т. е. и съ невѣрнымъ чтеніемъ) во многихъ *реальныхъ словаряхъ древностей*. См. „Шашечный Листокъ“ 1903 г., № 12, стр. 180, примѣч. 2-ое, гдѣ слѣдовало бы пояснить, что слово *филологъ-любитель* надо понимать: любитель шашекъ, филологъ по профессіи.—См. стр. 145-ю изданія.

меня съ испанскаго, и главнымъ образомъ А. К. Миппина, который сдѣлалъ для меня нѣсколько цѣнныхъ выписокъ изъ рѣдкихъ словарей и обратилъ мое вниманіе на нѣсколько новыхъ изданій. Наконецъ, не перечисляя именъ, я все же считаю необходимымъ выразить свою признательность тѣмъ бібліотекарямъ, многимъ любителямъ и знакомымъ, которые указывали мнѣ на мелкія извѣстія объ играхъ и рисункахъ, встрѣчавшихся имъ въ разныхъ не шахматныхъ изданіяхъ, или помогали мнѣ въ переводахъ съ англійскаго, нѣмецкаго и французскаго ³⁶⁹⁾ языковъ.

Только при такомъ многочисленномъ и дружномъ содѣйствіи могъ я достигъ той полноты, которая, надѣюсь, доставитъ удовольствіе любителямъ шахматистамъ и тавлеистамъ, а можетъ быть даже нѣкоторымъ ³⁷⁰⁾ филологамъ.

Я былъ бы счастливъ, если бы трудъ мой не остался одинокимъ и заинтересовалъ бы русскихъ любителей на столько, чтобы среди нихъ нашлись мнѣ преемники.

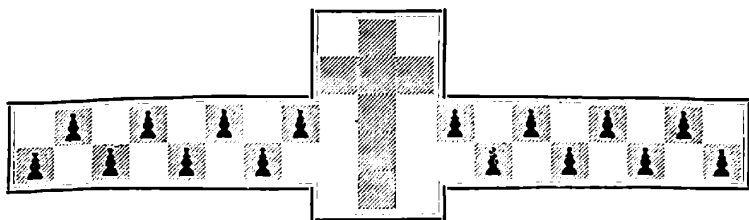
Москва.

Декабрь 1914 г.

³⁶⁹⁾ Къ моему изумленію я даже и здѣсь натолкнулся на трудности. Слова *splinter* я не могъ найти ни въ одномъ французскомъ словарѣ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ добивался я его значенія, спрашивалъ о немъ (подозрѣвая опечатку) у восьми кровныхъ французовъ и одного уроженца французской Швейцаріи: никто не могъ перевести; такъ фразу и пришлось оставить безъ перевода (стр. 137, примѣч. 166); общій смыслъ ея и самого слова довольно, впрочемъ, ясенъ.—Про нѣмецкія языкъ см. примѣч. 259 и стр. 227.

³⁷⁰⁾ Говорю „нѣкоторымъ“, ибо кромѣ содѣйствія приходилось встрѣчать и непріязнь. Такъ, одинъ московскій филологъ и педагогъ заявилъ мнѣ, по прочтеніи № 12 „Нашечнаго Листка“, весьма вышительнымъ тономъ, что онъ „не согласенъ съ моею филологіей“, а когда я попросилъ объяснить, въ чемъ именно онъ находитъ недостатки, то онъ надменно объявилъ мнѣ, что такъ какъ я не получилъ филологическаго диплома, то онъ не считаетъ возможнымъ вступать со мною въ объясненія! Интересно, что этотъ же педагогъ одинъ разъ лѣтомъ увлекался изученіемъ какого-то нововыдуманнаго языка, кажется эсперанто, и страстно убѣждалъ меня въ возможности распространенія такого жаргона. Я возвратилъ ему шахматнымъ доказательствомъ, указавъ, что, несмотря на интернаціональность шахматъ и удобство такъ называемой алгебраической нотации, послѣдняя до сего времени не можетъ быть введена не только въ шахматныхъ изданіяхъ, но даже на международныхъ турнирахъ: французы, англичане, испанцы и итальянцы предпочитаютъ свои національныя опечателныя нотации, хотя онѣ гораздо менѣе удобны.—Съ немымъ удивленіемъ узналъ я, что новѣйшій русскій филологическій словарь производитъ фразъ по прежнему отъ *vierge*.

ПАМЯТИ

М. К. Тоняева, С. А. Сорокина, А. И. Шошина и В. А. Эрдели.

Я ненавижу ложь и насилие во всѣхъ ихъ видахъ... Фарисейство, тупоуміе, произволъ... я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи! Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму пярмыкъ я считаю предразсудкомъ.

А. П. Чеховъ.

Можетъ быть къ тому присоединились и недостатки моего личнаго характера, напримѣръ, излишняя прямолинейность, независимость мнѣній, научныхъ и политическихъ, постоянная готовность горячо ихъ отстаивать, малая общительность въ частныхъ сношеніяхъ... и т. п. Какъ бы то ни было, въ результатъ я занялъ довольно уединенное положеніе и въ наукѣ, и въ политикѣ... Во всякомъ случаѣ я такъ дорожу своими независимостью и свободой мнѣній, что не промѣнялъ бы ихъ ни на какую распространенность или популярность.

Д. И. Пловяскій.

Настоящая работа моя, результатъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтнихъ трудовъ, составила въ три приема. Въ первомъ, до осени 1902 года, я ограничивался лишь предположительнымъ переводомъ слова *geminius*, а большую часть статьи посвящать логическимъ и этнографическимъ доказательствамъ того, что шапки должны быть древнѣе шахматъ, и что римляне ихъ несомнѣнно знали.—Въ этомъ первомъ своемъ видѣ, который П. Бобровъ называлъ „историческимъ анализомъ“³⁷¹), статью читалъ В. А. Эрдели;

³⁷¹ Къ моему сожалѣнію (не говорю *огорченію*, ибо послѣ его выходки противъ Д. А. Грингута, — которую П. Н. Бодяскій считалъ чуть ли не исходящей отъ меня, — въ ежедн. журн. „Конская Охота“ [№ 5, 1897 г., стр. 58], отъ П. П. можно было уже ожидать многого), П. Бобровъ, который впервые черезъ меня познакомился съ шапками и шахматами, съ тонкостями этихъ игръ и ихъ литературой, не удержался на должной высотѣ, какъ издатель, и выступилъ противъ меня съ такими приемами полемики (ср. „Шашечн. Листокъ“ № 11, стр. 176), которыхъ никакъ нельзя пзвинить тѣмъ болѣе, что это могло внести расколъ среди тавленстовъ, и что разошелся я съ П. Бобровымъ (въ началѣ 1901 г.)

онъ былъ большимъ любителемъ именно такихъ выводовъ, основанныхъ на тонкихъ соображеніяхъ, на глубокомъ и всестороннемъ разборѣ предмета, когда на первый взглядъ кажется, что тутъ нѣтъ никакихъ данныхъ вывести опредѣленные умозаключенія. Главы III—VII, составляющія, однако, лишь сокращенное изложеніе первоначальной редакціи, могутъ служить достаточнымъ поясненіемъ³⁷²⁾ прежней работы.

М. К. Гоняевъ лишь мелькомъ зналъ о моихъ выводахъ и предположеніяхъ. Еще до окончанія первой редакціи онъ умеръ сперва духовно, а не долго спустя и физически. Но онъ, самъ охотно и много занимавшійся исторіей игръ и собираніемъ для нея сырыхъ матеріаловъ, первый приучилъ меня къ историческимъ занятіямъ и теперь, конечно, будь живъ, болѣе чѣмъ кто-либо порадовался бы завершенію моей работы³⁷³⁾. Несмотря на то,

позъ за причинъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ шахматами. Напвно признавая („Шахм. Обз.“ 1903 г., № 59, стр. 197—199), что изслѣдованіе (онъ читалъ его въ первой редакціи) мое „въ своемъ будущемъ продолженіи дастъ, вѣроятно, не мало интереснаго“, онъ, въ расчетъ, конечно, на неосвѣдомленность и невниманіе читателей, приводитъ въ странномъ порядкѣ отдѣльные мои фразы изъ I главы, стараясь найти въ нихъ нелогичности, и въ то же время говоритъ: „Гдѣ авторъ встрѣчаетъ „доказательства“ распространенности той или иной игры? Эту распространенность только констатируешь!“, но не доказываешь“. Не замѣчая, что мое утвержденіе о нераспространенности шахматъ въ Россіи есть именно, какъ онъ выражается, констатированіе этого обстоятельства, II. Вобровъ тутъ же начинаетъ самъ доказывать распространенность шахматъ, тѣхъ самѣхъ, которые позъ друкъ сотъ миллионнаго населенія Россіи не могутъ дать 400—500 подписчиковъ на шахматный журналъ. Шахки, т. е., дѣйствительно, распространены у насъ; много есть и велосипедистовъ, и футболистовъ, и лыжниковъ, но партнера въ шахматы, особенно въ провинціи, не часто встрѣтишь. А больше всего до послѣдняго времени распространение имѣлъ у насъ алкоголизмъ, какъ павѣстно, врагъ всякаго спорта, будетъ ли этотъ послѣдній чисто умственнымъ, какъ шахматы и шахки, или чисто физическимъ, какъ велосипедъ, борьба и т. п.—Въ книгѣ, посвященной исторіи игръ, позволю себѣ замѣтить, что уничтоженіе алкоголя, помимо его важнѣйшихъ благотворныхъ послѣдствій, должно существенно отразиться и на усиленіи всякаго рода спорта и разумныхъ развитій, но есть, къ сожалѣнію, и опасность отъ развитія азартныхъ игръ. См. „Русск. Вѣд.“, пр. къ № 106 отъ 11, V, 1915 г.: *Противоалкогольное совѣщаніе*.

³⁷²⁾ Первая редакція могла даже показаться скучной, какъ и теперь главы III—VII, но надо имѣть въ виду, что изложенные въ нихъ доводы необходимы, ибо, помимо устраненія формальныхъ возраженій, они привели къ рѣшенію вопросовъ, что шахки: 1) никакъ не могли произойти изъ шахматъ, 2) что онѣ самостоятельны въ ряду игръ, и 3) что онѣ старше шахматъ. Все это вмѣстѣ указывало, что надо искать полныхъ отвѣтовъ въ новыхъ переводахъ латинскихъ текстовъ, или новыми словами говорить, что прежніе переводы не вѣрны. Прилегающія къ этимъ главамъ I—II и VIII—IX также въ значительной степени были въ первомъ трудѣ. Тамъ же разобраны были и нѣкоторые русскіе шашечные термины.

³⁷³⁾ См. мои статьи въ „Шахм. Обзорѣ“ 1892 г., № 10, стр. 111—116 и № 13—14, стр. 227—229 и стр. 285—286, гдѣ желаюше могутъ прочесть много интереснаго объ этомъ выдающемся человѣкѣ.—Въ томъ же „Шахм. Обзор.“ 1892 г. и 1893 г. помѣщены историческія статьи самого М. К., гдѣ находятся важныя дополненія къ вопросамъ, которые разбираются мною въ настоящемъ изданіи. Я могъ бы перепечатать ихъ вновь (ибо М. К. предоставилъ свои сочиненія въ мое распоряженіе), но это слишкомъ расширило бы книгу, и безъ того достигшую размѣра, котораго я не ожидалъ при началѣ печатанія.—Мнѣнія М. К. о научности историческихъ изысканій въ области игръ см. тамъ же: на стр. 229.

что онъ во многомъ не соглашался съ Липиде, онъ все же находился первоначально подъ влияніемъ его пристрастия, и на мои мысли о латинскихъ текстахъ писалъ мнѣ, что изъ нихъ нельзя почерпнуть ничего дѣльнаго, что фонъ-деръ-Лазз, хорошо знающій древніе языки, всѣ тексты уже изслѣдовалъ, и Липиде правъ, говоря, что „эти Latineci чудесно годятся для всего, о чемъ мы ровно ничего не знаемъ“. Это не могло первоначально не охладить меня, тѣмъ болѣе, что статей Лазз я сперва не могъ достать, а изслѣдованія французскаго филолога Бекъ де Фукиера подтверждали мысли Михаила Константиновича, и быть можетъ, трудъ мой такъ и остался бы неоконченнымъ, если бы не возникновеніе „Шашечнаго Листка“ и не редакторъ его А. И. Шопинъ³⁷⁴⁾, который гостепріимно открылъ мнѣ страницы журнала. Въ этомъ второмъ періодѣ работы, осенью 1902 года и весной 1903 года, мнѣ удалось уловить смыслъ почти всѣхъ текстовъ, и я раза три переписалъ свою статью, стараясь по возможности сократить ее такъ, чтобы въ ней осталось лишь наиболѣе существенное, чтобы можно было ее напечатать въ журналѣ, а А. И. Шопинъ все извѣщалъ передо мной, полагая, что я работаю изъ-за его требованій. Ноябрь 1903 года принесть мнѣ огорченіе: я узналъ, что „Шашечный Листокъ“ прекращается, и я въ декабрьской книжкѣ изложилъ лишь наиболѣе существенные выводы, рѣшивъ остальное выпустить отдѣльною брошюрой. Собираясь я и самъ издавать „Шашечный Листокъ“ и первоначально также подъ редакціею А. И. Шопина, но комбинація эта, къ моему сожалѣнію, не состоялась, а начать изданіе самому въ Москвѣ, значило бросить работу по изслѣдованію исторіи игры. Въ концѣ концовъ у меня получилась цѣлая книга³⁷⁵⁾.— Въ этомъ второмъ видѣ читалъ ее С. А. Сорокинъ³⁷⁶⁾, мнѣніемъ котораго я очень дорожилъ; она получила съ его стороны болѣе одобреніе, и онъ совѣтовалъ мнѣ ее непременно напечатать, соглашаясь, однако, со мной, что изданіе едва ли окупится. Самъ филологъ и большой любитель исторіи, онъ часто съ интересомъ говорилъ о моихъ выводахъ и все сожалѣлъ, что я мѣсяцъ за мѣсяцемъ откладываю печатаніе. Онъ находилъ въ моей работѣ много достоинствъ, но онъ ошибался.—Только въ третьемъ періодѣ, когда съ осени 1913 года принялся я за печатаніе, изслѣдованіе мое приняло свой постоянный законченный видъ. Я не только сократилъ нѣкоторыя длинноты, но мнѣ за это время уда-

³⁷⁴⁾ См. составленный мною некрологъ этого любителя, жившаго такъ мало и сдѣланнаго для шашекъ такъ много, что одинъ отдѣлъ задачъ долженъ бы носить, собственно, его имя,—въ „Нивѣ“, Ежемѣсячныя литературныя приложенія за Мартъ 1906 г., № 3, стр. 491.

³⁷⁵⁾ См. „Шашечный Листокъ“, 1903 г., № 12, стр. 180, примѣч. 2-е.—Чтобы трудъ мой не пропалъ совершенно, одно время я думалъ переписать книгу на Ремингтонъ въ 3—4 экземплярахъ и одинъ изъ нихъ отослать въ Императорскую Публичную Библіотеку въ Петроградъ, но при такомъ направленіи дѣла оказалось, что я совѣмъ не могу работать надъ окончательной отдѣлкой изслѣдованія.

³⁷⁶⁾ Авторъ статей „Историческія справки о шахматахъ въ Россіи“ въ „Шахматномъ Обзорѣннѣ“ 1892 г. См. №№ 13—14, стр. 222—226, № 15, стр. 299—307 и № 16, стр. 339—342. Равнѣ, въ менѣе полномъ видѣ, статьи эти были помѣщены въ шахматномъ отдѣлѣ журнала „Радуга“, изд. Л. Метцля.

лось вполне выяснить смыслъ всѣхъ текстовъ, прибавить и новые, открыть еще случаи игры словъ³⁷⁷⁾, а главное, показать исторію пронеожденія нѣсколькихъ русскихъ реченій съ замѣчательной перемѣной ихъ прежняго смысла, что можетъ имѣть не только шахматный, но и научный интересъ³⁷⁸⁾. Тутъ же стала для меня ясна схема созданія шахматъ изъ шашечныхъ игръ.

Безъ первоначальной дѣятельности М. К. Гопяева и С. А. Сорокина, безъ одобренія и поддержки ихъ, А. И. Шошина и В. А. Эрдели, едва ли настоящее сочиненіе было бы когда нибудь доведено до конца, и мнѣ доставляетъ высокое нравственное удовлетвореніе возможность посвятить этотъ трудъ ихъ свѣтлой памяти. За исключеніемъ С. А. Сорокина, который, будучи самъ филологомъ, интересовался преимущественно только исторіей, остальные цѣнили въ шахматахъ все: и анализы, и партіи, и задачи, и концы игръ, и въ то же время очень высоко ставили историческія изысканія.

Подобнымъ же образомъ къ исторіи игры относился и М. И. Чигоринъ³⁷⁹⁾, который не только удѣлялъ ей большое мѣсто

³⁷⁷⁾ Ср., напримеръ, примѣчаніе 9-е на стр. 184 „Шашечнаго Листка“ 1903 г. съ примѣчаніемъ 94-мъ настоящаго изданія.—См. также стр. 83 п 84 книги.

³⁷⁸⁾ „Вообще научная разработка проблемъ, входящихъ въ составъ семасіологии (такъ называется отдѣлъ науки о языкѣ, изучающій исторію значенія словъ) до сихъ поръ едва лишь намѣтила общія очертанія вопроса, при чемъ многія детали остаются пока въ тѣни... Какъ положительное требованіе, мы должны выставить, подчеркнутую уже В. Геномъ, необходимость освѣщать выводы, добытые путемъ изученія лингвистическихъ фактовъ, данными исторіи культуры“. В. Порожескиій. Введеніе въ языковѣдніе. М. 1915, стр. 152 п 203.

³⁷⁹⁾ Кстати: не лишнее быть можетъ будетъ упомянуть, что по матеріи онъ былъ, какъ говорятъ, цыганъ. Это обстоятельство почему-то старательно обходится молчаніемъ всѣми его биографами и почитателями, а между тѣмъ оно не безынтересно, тѣмъ болѣе, что самъ онъ выдавалъ себя (особенно послѣднее время) за самаго русскаго. Убѣжденій его я не знаю, кажется онъ ничѣмъ не интересовался кромѣ шахматъ, но въ спортивной жизни онъ проявилъ себя крайнимъ антисемитомъ и, насколько было въ его силахъ, всячески старался не допускать евреевъ въ тотъ шахматный клубъ, сѣверной столицы, который при жизни его переимѣнилъ много названій. Можно, разумѣется, такъ или иначе судить объ этой его антипатіи, но все же она могла бы заслуживать хотя нѣкотораго уваженія. Между тѣмъ памятникъ на его могилу поручили исполнять, если не ошибаюсь, еврею. Самъ М. И. Чигоринъ въ своихъ сношеніяхъ и дѣлахъ обладалъ характеромъ малопріятнымъ, бывалъ, и притомъ очень перфидно, крайне несправедливъ, въ издательствѣ своемъ болѣе, чѣмъ побрежжѣ, кое-что пазъ этого я вывелъ наружу, и меня много упрекали за будто бы пристрастное мое отношеніе къ нему во время перваго періода паданія „Шахматнаго Обзорія“, когда я тогъ журнала и его главное содержаніе зависѣли болѣе отъ меня, чѣмъ отъ П. Боброва; я выступилъ рѣзко противъ М. И. именно въ его походѣ противъ С. З. Аланина и В. Степанича, какъ евреевъ, находя что въ шахматахъ всѣ равны, но памятникъ, да еще на могилѣ, не шахматы, не игра, и нельзя же протестовать противъ такого отношенія къ его памяти, которое онъ самъ почелъ бы при жизни величайшимъ для себя оскорбленіемъ. Къ сожалѣнію, масса болѣе легкомысленна и деспотична, чѣмъ самые ярые антисемиты. Чигоринъ воображалъ себя великимъ человѣкомъ, хотя такимъ никогда не былъ, шахматисты послѣ его смерти своимъ заказомъ памятника низвели его до степеніи самаго зауряднаго человѣка, что, конечно, болѣе, чѣмъ несправедливо—(еще и потому, что сами евреи относятся къ своей національности крайне ревниво: статьи, напримеръ, русской печати (особенно поведѣльничихъ листковъ), находящейся, какъ павѣстно, подъ большимъ вліяніемъ и давленіемъ евреевъ, во время турнира въ Петроградѣ, когда одно время шапсы Ласкера и Капабланки были въ неопредѣленномъ положеніи, поражали своимъ тономъ, гдѣ

въ своихъ журналахъ, но и высоко оценивать трудъ С. А. Сорокина въ „Шахматномъ Обзорѣнн“.— П. Бобровъ, котораго больше интересовала практическая сторона въ играхъ³⁸⁰), т. е. издательство, организація турнировъ (особенно по перепискѣ), конкурсовъ, одновременныхъ партій, секретарство въ клубѣ, открытіе шахмат-

проскальзывали чуть не угрозы, если побѣдитъ аріецъ].—См. *Евг. А. Зноско-Боровскій*. Пути развитія шахматной игры. Мысли и характеристики. Сиб. 1910. На стр. 34—51: *Трагедія Чигорина* (докладъ, читанный на вечерѣ въ память М. П. Чигорина, въ первую годовщину его смерти). Здѣсь читаемъ: „...но, напавъ на смерть, онъ пришелъ въ себя, сильно тосковать и нервничать. Онъ сталъ требовать, чтобы ему принесли его дорожные шахматы, тѣ шахматы, которые сопровождали его на всѣхъ турнирахъ, съ которыми онъ никогда не разставался... Когда ему ихъ принесли, онъ потребовалъ, чтобы сейчасъ же, тутъ же передъ нимъ ихъ уничтожили, сожгли. При этомъ онъ странно поновался, все торопился, словно боялся, что не успеютъ сдѣлать это; а оно, почему-то, казалось ему необходимымъ. Онъ успокоился только тогда, когда его требованіе было исполнено, и отъ шахматъ осталась только небольшая кучка асовъ... сегодня утромъ... на нихъ и въ газетахъ о перевозѣ его тѣла изъ Люблина въ Петроградъ (*Голосъ Москвы*, 1914 г., VI, 24, вторникъ, стр. 2): „22 іюня въ Петербургъ были привезены останки извѣстнаго русскаго шахматиста М. П. Чигорина, скончавшагося въ городѣ Люблинѣ 12 января 1908 г. Отдѣлъ послѣдній долгъ покойному собралось ровно восемь человѣкъ. Пока дошли до кладбища, эта горсть друзей М. П. Чигорина сократилась еще. Никого изъ родныхъ покойнаго не было. На кладбищѣ Новодевичьяго монастыря была отслужена панихида, и останки покойнаго предали землѣ. На могилѣ осенью будетъ поставленъ памятникъ, сооруженный по подпискѣ на средства русскіихъ шахматистовъ“.—И къ другимъ дѣятелямъ въ области шахматъ отношеніе не лучше. Напр., А. Ф. Голчаровъ, послѣднее время долго сотрудничавшій въ „Шахм. Обзорѣнн“, не могъ написать споснаго некролога П. Боброву; онъ приписалъ ему веденіе отдѣла въ „Газетѣ А. Гатцука“, гдѣ отдѣлъ (шашечный) открытъ и велъ я, и тогда, когда П. Бобровъ еще не былъ знакомъ ни со мною, ни съ литературою игры, а въ то же самое время Голчаровъ пропустилъ, вѣроятно, не менѣе десятка изданій, гдѣ П. Бобровъ, дѣйствительно велъ шахматные и шашечные отдѣлы, да и довольно большіе.—Причина такого отношенія состоитъ въ томъ, что игроковъ интересуетъ только игра и притомъ лишь въ тотъ періодъ, когда она почему либо привлекаетъ ихъ вниманіе. Стоить только перебраться обстоятельствамъ, собственной ли ихъ жизни или жизни другого игрока,—и все забыто. П. самъ Чигоринъ относился къ другимъ подобнымъ же образомъ. См. „Шахм. Обзор“, 1892 г., №№ 13—14, стр. 285—286.

³⁸⁰) Это не мѣшало ему и самому играть въ шахматы, составлять недурныя шахматныя и шашечныя задачи, а равно и беллетристическія шахматно-шашечныя (П. П. Бобровъ) произведенія. Силы свои и способности онъ цѣнилъ, однако, гораздо выше того, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, при чемъ дѣлалъ совершенно невѣроятныя ошибки, напримѣръ, въ шахматное изданіе пытался внести рекламный характеръ, обѣщая по уплатѣ голшарара, то преміи, которыхъ выдать потомъ не могъ. Мечтою его было сдѣлаться издателемъ большаго литературнаго журнала, для чего онъ сперва приобрѣлъ въ 1887 г. у Л. Метцля право на ежемѣсячный журналъ „Эпоха“, а позднѣе пеходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе на изданіе большаго еженедѣльнаго журнала, въ родѣ „Нивы“, подъ названіемъ „Вечерніе Огни“. Онъ думалъ, что обладать организаторскими способностями, чтобы конкуррировать съ „Нивой“, и подгадалъ, что съумѣетъ найти капиталистовъ, которые въ его способности повѣрять. Но, конечно, капиталисты были значительно проницательнѣе, чѣмъ онъ ихъ считалъ. Наибольше интересны въ всемъ этомъ было его признаніе, что если бы ему удалось изданіе въ родѣ „Нивы“, то онъ ни за что не пустилъ бы туда шахматъ.—П. П. Бобровъ составлялъ и рѣшалъ ребусы, не душно владелъ стихомъ и пробовалъ выступать на литературномъ поприщѣ, но неудачно.—А. Фетъ про „Смерть Порошенка“ [М. 1889. Тип.-Лит. М. П. Нейбургеръ. 47 стр.] спросилъ автора: „Зачѣмъ вы это написали?“

ныхъ отдѣловъ въ журналахъ и газетахъ, продажа книгъ и вещей шахматныхъ и т. п., всецѣло, однако, поддался моеѣ программѣ веденія „Шахматнаго Обзорѣнія“, какъ журнала, который отиѣчалъ бы на всѣ стороны игръ, включалъ бы въ себѣ исторію и матеріалы для нея, обзоръ газетъ и журналовъ, библіографію, хронику, некрологи, уставы игръ, беллетристику и стихи, разнаго рода отчеты и таблицы, словомъ все, что такъ или иначе касалось шахматъ и шахекъ. И хотя практика изданія и громадная убыточность перваго періода „Шахматнаго Обзорѣнія“ за 1891—1893 гг. могли бы дать поводъ усомниться въ вѣрности этой программы, — онъ все же и потомъ, когда вздумалъ вести изданіе одинъ, крѣпко ея держался, уничтоживъ лишь беллетристику. — Иностранные журналы также изрѣдка отводятъ свои страницы для статей историческихъ, но шахматисты и тавленсты въ массѣ вовсе не цѣнятъ исторіи игръ, считаютъ, что ей не мѣсто въ игровыхъ журналахъ, что она должна искать его въ специально-научныхъ изданіяхъ, а тамъ, съ своей стороны, вопросу объ играхъ еще не придаютъ того значенія, котораго онъ въ дѣйствительности заслуживаетъ, какъ интересная сторона культурной жизни и какъ одинъ изъ любопытѣйшихъ путей общенія народовъ³⁸¹). Между тѣмъ, рѣшеніе (и конечно, вѣрное) историческихъ вопросовъ едва ли менѣе занимательно, чѣмъ рѣшеніе этюдовъ, концовъ игръ или анализъ дебютовъ и партій, словомъ, всего того, что составляетъ сущность игры, и на что любители тратятъ массу времени, иной разъ совершенно безцѣльно. Я, разумѣется, не хочу укорять ни игроковъ, ни составителей задачъ, ни такихъ шахматныхъ писателей, которые отдаютъ свой досугъ не на историческіе опыты, но среди шахматистовъ и тавленстовъ, особенно въ провинціи, множество любителей могли бы принести значительную пользу исторіи игры, если бы сообщали въ спеціальныя журналы даже только одни библіографическія указанія на игровыя мѣста въ книгахъ изъ общей литературы³⁸²). Конечно, журналы должны удѣлять для этого мѣсто. Если же и издатели повѣйшихъ журналовъ объявятъ исторіи бойкотъ, то, понятію, она загложнетъ, и тѣ многочисленные свѣдѣнія, статьи и рассказы, которые теперь не рѣдко попадаютъ въ общей прессы, погнѣбнутъ безслѣдно, ибо отдѣльнымъ лицамъ собраніе такихъ матеріаловъ не подъ силу.

³⁸¹) Въ „Шахматномъ Листѣ“ М. И. Чигорина были двѣ статейки на эту тему: „Исторія развитія шахматной игры въ связи съ исторіей цивилизаціи народовъ“, подписанная *И. Чарикъ* (см. „Ш. Л.“, 1876 г., № 4, декабрь, стр. 122—127 и 1877 г., февраль и мартъ, стр. 37—47). Не знаю, кто скрывается подъ псевдонимомъ Чарина, но статьи не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, хотя написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ. Самое досадное то, что въ нихъ совершенно нѣтъ никакихъ указаній на первоисточники, и все, на что ссылается авторъ, — повѣрено быть не можетъ. — Про то, какъ и откуда проникли шахматы въ Россію, здѣсь полагаются совершенно невѣроятныя предположенія.

³⁸²) До сихъ поръ въ шахматной литературѣ не отмѣченъ, кажется, рассказъ Куприна, *Марабу*, гдѣ онъ до крайности неудачно пытается высмѣять шахматистовъ. — Въ одномъ, напечатанномъ по-русски, французскомъ альманахъ-рекламѣ 1913 г. (изданіе Шателена, J.-L. Chatelain, 207—209) встрѣтить я неожиданно рассказъ *Автоматическій шахматистъ*, перепечатанный, какъ оказывается, изъ книги Шевлякова „Недалекое прошлое и близкое настоящее“. Здѣсь